

Modern Political Elites of Turkey and Their Imperial Project

Arushan A. Vartumyan

Pyatigorsk Institute (branch) of North-Caucasus Federal University, Pyatigorsk, Russia

E-mail: pragpu[at]mail.ru ORCID: 0000-0002-2295-5436

Abstract

In recent years Turkey has gained steam in the process of reviving its former imperial greatness, which should give a new impuls to the constructive development of the Turkish republic, strengthening its sovereignty and influence in the international arena. Ankara is trying to declare itself as an independent and very international player capable of responding to challenges and threats of its time and solving complex geo-economic and geopolitical problems. The country's political elites are pinned hopes that this new imperial project will find approval in Turkish society and consolidate it around its national leader. The purpose of these elites is to introduce Turkey again into the club of the strongest world players and all other world centers of the political decision-making will have to be considered with its opinion.

This article provides an analysis of the ideological foundations of neo-Osmanism, which has become the main ideological basis for the political elites of modern Turkey for their professional activities. Neo-Osmanism is used by the ruling Turkish elites to reconstructure of national identity and identity based on the historical heritage of the Ottoman Empire.

Keywords

Elites; authorities; neo-Osmanism; Eurasia; ideology; selection of elites; conflict; imperial project; nationalism; a national idea.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Современные политические элиты Турции и их имперский проект

Вартумян Арушан Арушанович

Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета, Пятигорск, Россия

E-mail: prapru[at]mail.ru ORCID: 0000-0002-2295-5436

Аннотация

В последние годы в Турции набрал свои обороты процесс возрождения былого имперского величия, который должен дать новый импульс конструктивному развитию турецкой республики, укрепив ее суверенитет и влияние на международной арене. Анкара пытается заявить о себе как о самостоятельном и весьма влиятельном международном игроке, способном отвечать на вызовы и угрозы своего времени и решать сложные геоэкономические и геополитические задачи. Политическими элитами страны возлагаются надежды на то, что данный новый имперский проект найдет одобрение в турецком обществе и консолидирует его вокруг его национального лидера. Цель этих политических элит – ввести Турцию вновь в клуб сильнейших мировых суперигроков, с мнением которой должны будут считаться все другие мировые центры принятия стратегических политических решений.

В настоящей работе дается комплексный анализ идеологических основ неоосманизма, ставшего для политических правящих элит современной Турцией главной идеологической основой для их профессиональной деятельности. Неоосманизм используется современными правящими турецкими элитами для реконструкции национального самосознания и идентичности на базе исторического наследия великого прошлого Османской империи.

Ключевые слова

Элиты; власть; неоосманизм; Евразия; идеология; селекция элит; конфликт; имперский проект; национализм; национальная идея.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Современное неоднозначное международное положение Турции заставляет ее руководства искать новые стратегии выживания и новые ресурсы для реализации своих амбициозных политических проектов. Для этого турецкими властями весьма активно используется идеологический догмат об историческом величии и политической исключительности Турции, которая представляется как особая цивилизация. Для обеспечения этого тезиса в турецком истеблишменте активно утверждается идея нового османизма, предлагающего объединение всех имперских сил вокруг единого османизского центра. Проводниками этих идей стала современная правящая турецкая элита во главе со своим лидером президентом Реджепом Тайипом Эрдоганом. Идеологами этой части турецкой элиты был сформулирован целый ряд доктринальных положений, призванных установить четкие цели и поставить конкретные задачи на пути возврата Турции в число ведущих мировых игроков.

Методология

Основной целью настоящего исследования является анализ перспектив имперского проекта современных турецких элит, выраженных ими в проекте неоосманистской идеологии. Основой упор делается на данные турецких исследований, анализирующих как качественное состояние современных турецких элит, так и формируемую ими идеологию неоосманизма.

Прежде всего, нам следует выяснить значение тех ключевых терминов, в которых мы намерены описывать рассматриваемую нами проблему. Имперский проект изначально заложен в теорию неоосманизма. Говоря «неоосманизм», мы подразумеваем восстановление величия Османской империи; мы подразумеваем наличие в турецких элитах имперских амбиций и желаний.

Проблема селекции элит остается одной из важнейших и сложнейших в системе теорий политических турецких элит. Имеющиеся здесь разногласия указывают на неопределенность и множественность вариантов отбора в элиту страны действительно достойных субъектов.

Исторические корни элитных традиций современной Турции

В эволюции турецких политических элит современные турецкие исследователи выделяют шесть периодов, когда складывались и сами местные теории элит: 1) Период становления государственной элиты в осmano-турецкой политической жизни; 2) Период складывания однопартийной власти и якобинской элитарности (1923 – 1946 гг.); 3) Период перехода к многопартийной жизни и «восстановления» элит (1946 – 1960 гг.); 4) Период промежуточной декриминализации между государственной элитой и политической элитой; 5) Период

либерализации и декриминализации «Новой элиты» в турецкой политике (1980 – 2001 гг.); 6) Период «Новой элиты» как элитной коалиции» (Mardin, 2009, p.129). Для каждого из этих периодов характерен свой особый взгляд на тип и характер теории элит.

В общем в системе политического управления наблюдаются традиции, восходящие еще ко временам Османской империи. Суверенитет элитарной политики в Турции во многом обусловлен историей и культурой страны. Османская империя – пример почти совершенности родового государства (Özbudun, 1995, p.2). В те времена особенно ценилось абсолютное признание власти султана и личная ему преданность (Ortaylı, 1998). Бюрократический аппарат того времени был военизирован и максимально централизован.

Еще в эпоху однопартийной власти и якобинской элиты (1923 – 1946 гг.) младотурки и кемалисты полагали, что государство доминирует над гражданским обществом и утверждали, что легитимность и власть являются монополией государственной элиты и не могут быть разделены с гражданской элитой. Данное утверждение стало традицией (Kazancigil, 2009, p.222). Они считали себя единственным защитником общественного блага и основным средством модернизации (Özbudun, 1995, p.9). В то время политизированная и символическая ценность религии утратила свою легитимность перед государственной элитой и была заменена секуляризмом в качестве основной ценности (Toprak, 2009, p.447). Республиканцы видели в религии угрозу светскому характеру своей власти. Вестернизация заставляла их уходить в сторону секуляризма и борьбы с фундаментализмом.

Кемалистское республиканство приписывало государству доминирующую и регулирующую роль не только в экономике, но и в сфере “формирования идентичности”, как было изложено в идее создания послушного “нового турка”, который в лучшем случае находится на службе у нового государства (Köker, 1995, p.80). С их точки зрения, Ататюрк и республиканские ценности являются главной элитной перспективой и стратегией.

Демократизация в Турции связана с установлением после 1946 г. многопартийной системы. Приход к власти парламентской оппозиции, ознаменовал начало круговорота элитных групп на высших эшелонах власти. Улучшилась работа социальных лифтов, циркуляция элит стала подчиняться нормам электоральных циклов (Kahraman, 2010, p.255). В середине XX в. усилился приток в элитные группы буржуазных элементов, что стало признаком формирования буржуазией свой собственной элитной группы (Kıslalı, 2010, p.323). Новой силой в формировании элитных групп стали также университеты и армия. В отдельных случаях (как например, во время военного переворота 1960 г.) им удавалось создавать временные альянсы, представляя себя в качестве модернизационной элиты. К 1970-м гг. этот союз был распущен, поскольку армия (генералитет) считала университеты источником политической нестабильности, в то время как бюрократы были разбросаны по разным идеологическим лагерям (Turan, 2009, p.548).

В период либерализации (1980 – 2001 гг.) в турецкую политику вошло слово «коалиция», что породило новый тип элитных отношений. Как отмечают сами турецкие исследователи, это было время разрушения бюрократических связей, кризис единства политического мышления и духа корпоративной солидарности. Армия оставалась единственным бюрократическим учреждением, способным в значительной степени защитить себя от процесса разложения (поляризации), проникновения и колонизации политическими партиями (Özbudun, 1995, p.29).

Начиная с 1990 гг., ситуация между борющимися элитными группами обострилась, в результате того, что исламизм набрал силу в турецкой политической жизни (Kanbir, 2014). Монополия государственных элит была нарушена. Либерализация привела к тому, что сфере военных, образования, экономики и, в частности, средств массовой информации стали все сильнее проявляться плюралистические тенденции. Последний период истории турецких элит, который оценивается как эпоха «элитной коалиции», начался с 2001 г., когда была создана Партия справедливости и развития, которая уже в ноябре 2002 г. пришла к власти.

Как отмечают турецкие исследователи, в это время произошел процесс перехода периферийных элит на место центральных элит. По мнению Шерифа Мардина, эти новые центральные элиты представляли собой сегментированную коалицию (Mardin, 2009, p.52). В эту коалицию входят элиты из разных этнических, сектантских структур и экономических классов, в том числе элиты из разных политических фракций, либеральных и левых, особенно консервативных и националистических. В действиях таких элит проявляется прагматизм и популизм. Главная цель – привлечь на свою сторону как можно большее количество маргинальных масс и подавить этим своих противников (Karani, 2009, p.192).

Методологически проследить происходящие в Турции перемены можно по ритмам борьбы самих политических элит за власть. Существующая «элитная коалиция» состоит из разных политических фракций, которые в результате изменений в социальной структуре пересекают классовые границы и отражают особенности широкой массы людей из разных этнических, религиозных, экономических и социальных слоев. Маргинальность стала нормой. Управлять «периферией», означает управлять подавляющим большинством общества. И у каждого из этих сегментов имеется свой центр и свои идейные и политические вожди (Mardin, 2009, p.58).

Основные характеристики турецких элит и механизмы их функционирования

Турецкие элитологические исследования уделяют большое внимание анализу резюме местных политических сообществ, которые относятся к числу избранных должностных лиц (Arslan, 2001, p.11). Исследования анатомии субъ-

ектов высшей политики позволяют не только улучшить понимание структуры местной власти, но объективно оценивать сами политические события, происходящие в стране. Традиционно политические элиты представляют собой высшие статусные иерархические структуры политической системы, осуществляющие контроль различных ресурсов, которыми они обладают.

В политической иерархии есть набор должностей и властных позиций, которые позволяет тем, кто их занимает официально именоваться элитой. Эти субъекты руководят жизнью страны, прокладывают курс общества, формируют портрет государства. Из биографий турецких политических лиц, относящихся к элите, можно выделить целый ряд характерных признаков, суммируя которые мы приближаемся к ответу на вопрос, что собой представляет политический класс современной турецкой республики. (Frey, 1965; Arslan, 1995).

Прежде всего, бросается в глаза тот факт, что в Турции существует большое неравенство в отношении распределения политической власти между социальными сегментами. Данная реальность нарушает принципы классической теории демократии как апологии «эгалитаризма», что впрочем, характерно для многих (в том числе и для западных) обществ (Caglar, & Arslan, 2000, p.511).

Следующим признаком турецкой политической элиты следует указать возраст ее субъектов. До современной американской геронтократии им, конечно, еще очень далеко, но возраст тоже имеет не последнее значение при характеристике современных параметров правящих групп. Больше всего «стариков» имеет депутатский корпус (за 70 лет), но в среднем возраст турецкой политической элиты составляет около 45 лет.

На структуру турецкой элиты большое влияние оказывает фактор «сексизма» (или «гендеризм»). В настоящее время более 98% турецкой политической элиты являются мужчинами. Женщины незначительно представлены в элитарных структурах, а с приходом к власти партии Р. Эрдогана их число еще больше уменьшилось.

Одной из популярных в политике профессиональных групп являются военные. Со времен Мустафы Кемальятатюрка (1881 – 1938) военная служба была почетной, а сама армия считалась защитником светского образа жизни граждан Турции. Конфликт с фундаменталистами привел к тому, что власть армии (генералитета) была сильно ограничена, а многие высшие офицеры оказались в заключении.

Традиционно турецкая политическая элита представляет собой элитарную группу, в которой доминируют мужчины старшего и среднего возраста, выпускники университета, гражданские бюрократы и правоведы (Boyd, 1973; Macdonald, 1977). Этим элиты Анкары отличаются от своих западных соседей, которые длительное время были для них эталоном политической культуры (демократических и либеральных ценностей).

В политической риторике Турецкой республики всегда были сильны националистические нотки. В этом смысле турецкие политические элиты с

высоким национальным самосознанием. Риторика «Тюркский мир от Адриатики до Великой Китайской стены» была изложена ещё в период правления президента Турции (1983 – 1991) Тургута Озала (1927 – 1993). Она доказывала, что границы турецкого евразийства имеют смысл именно в рамках евразийского мира. Многолетний премьер-министр Турции (1965–1971, 1975–1977, 1977–1978, 1979–1980, 1991–1993) и затем ее президент (1993 – 2000) Сулейман Демирель (1924 – 2015) также стремился сохранить евразийское внешнеполитическое понимание, которое стремилось вести на оси дипломатического, политического, культурного и экономического сближения. Таким образом, концепция турецкого евразийства устанавливает самые широкие границы «неоОсманской империи» и, следовательно, предполагает выработку новой стратегии, которую следует соблюдать в контексте географических границ, выраженных Евразией. Для руководства Турции этот концепт стал определяющим его внешнюю политику (Ersen, 2013, p.17). Особенностью турецкого восприятия Евразии является то, что к ней их политическое мышление добавляет также бывшие владения Османской империи в Северной Африке. В этой связи было сконструировано такое понятие как «Афроазия» (Efegil, 2009, p.77).

Неоосманизм как феномен и как идеологический концепт

Один из главных идеологов неоосманизма Ахмет Давутоглу¹ в своей программной книге «Стратегическая глубина» (2001) пытался представить свой идеологический концепт в качестве общего османского наследия, утверждая, что именно он и есть та самая «настоящая» и неизменная личность турецкого общества, его сущность, которая отражает саму душу современной Турции (Davutoğlu, 2001, p.41). Эта сущность – потенциальная сила, которая отличает турецкое общество от других национальностей, делает его исключением на исторической сцене и избавляет его от «посредственности». Стратегическая глубина считает, что на этой основе Турция должна быть вновь изображена на мировых политических картах как региональный лидер (Davutoğlu, 2001, p.54). Неизменным критерием оценки правильности любой политической ориентации, особенно внешней политики является общая османская история.

Идеологи неоосманизма пытаются представить свою доктрину как идеологическое отражение и осмысление существующего в объективной политической реальности феномена, который исторически определял ход евразийской истории. Это не просто культурно-историческое наследие Османской империи. Это еще и ее живой дух, который исподволь существует в турецком народе и движет им в настоящее время.

Данный подход имеет успех там, где историческое наследие становится основой политического сознания и эффективно воздействует на общественную волю. Внешняя политика непросто совмещается с историческим

1 Давутоглу Ахмет (род.1959) – один из лидеров правящей в Турции «Партии справедливости и развития». Был премьер-министром Турции (2014 – 2016) и главой МИД (2009 – 2014).

наследием, а становится основой для «стратегического менталитета» (Cenk Saracoglu, 2013, p.58). Само понимание национальной идентичности основывается на османском наследии, сущность которого представлена как академической наукой, так и широким общественным мировоззрением» (Cenk Saracoglu, 2013, p.65). К этому добавляется массивная обработка общественного мнения со стороны СМИ и выступлениями политиков правящей партии. Неоосманизм стал фактически «независимой переменной» в политическом анализе действительности.

Неоосманизм пытается представить историческое наследие Османской империи не только в качестве базы для создания единой национальной идентичности, но и придает ей относительную ценность перед мировым сообществом. Все народы определяются таким образом, что связаны с цивилизациями, оказавшими влияние на формирование мировой истории. «Цивилизация» – это ценность, которую могут унаследовать некоторые народы, и которая во многом определяет их потенциальную силу в современном мире. Фактически цивилизация превращается в категорию, инструментализированную для определения потенциального распределения власти в международных отношениях. На данный момент народы позиционируются в неявной иерархии с долей этого цивилизационного наследия (CenkSaracoglu, 2013, p.67).

Элитаризм неоосманизма проявляется в попытке выстроить иерархическую модель международных отношений, где есть высшие страны (к числу которых относится сама Турция) и низшие страны, которые должны занимать в отношении Анкары подчиненное положение. Согласно А. Давутоглу, существует различие между «амбициозными и деконструированными обществами в определении исторического потока» и «неприхотливыми и пассивными обществами, определяемыми историческим потоком». У первых имеется «исторический опыт», который превращается в потенциал власти, но для мобилизации этого потенциала требуется понимание этого и политическая воля. Существует историческая, естественная и деконструктивная иерархия, которая не полностью отражается сегодняшним искусственным распределением власти между народами (Davutoğlu, 2001, p.60). Согласно этой логике, все другие страны мира, которые в XX в. получили независимость и не имеющие имперского прошлого, естественно окажутся перед Турцией на мировой арене в пониженном положении. Например, превосходство Турции над Израилем – это не моральное превосходство в существовании оккупации и преступлений против человечности, совершенных на Ближнем Востоке; это превосходство одного из исторических накоплений, которые держали регион в руках пятьсот лет, а другого – только пятьдесят лет назад (Davutoğlu, 2001, p.68). По той же логике А. Давутоглу сравнивает напряженность Турции с Грецией и Сирией с тем, чтобы «борец в супертяжелом весе тренировался в легком весе» (Davutoğlu, 2001, p.123).

А. Давутоглу отмечает, что на протяжении всей истории турецкой республики по самым разным причинам ей не удавалось реализовать естественный

стратегический менталитет, соответствующий сути её нации. Именно этот недостаток и призван исправить неосманизм. Целью этой идеологии – вернуть Турции центральное положение, убрав ее с периферии мировой политики; сделать ее снова «центральной цивилизацией». Турция должна вернуться на свое место в естественной иерархии. Для этого ей необходимо перейти из пассивности, и перейти от тактики необходимости «защиты своих границ», к тактике «глобального доминирования» (Davutoğlu, 2001, p.134). Именно этот тезис и лег в основу внешней политики президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, особенно в период т.н. «арабской весны», он заявил о своих притязаниях на роль «центральной страны» в делах Ближнего Востока и Северной Африки. Официальная Анкара стала вести себя со странами этого региона, демонстрируя всем свои иерархические «чувства национального превосходства» (Emiliano Alessandri, 2010, p.15).

«Могущество нации» кроется в нереализованном неосманистском потенциале, как консервативной националистической идеологии. Поэтому Турция больше не может быть «пассивной» страной, которая служит межцивилизационным мостом, она должна или должна быть «активной» страной, которая достигла позиции естественного лидера исламской цивилизации среди великих народов с потенциальной силой, обеспечиваемой цивилизацией (Bulent Aras, & Aylin Gorener, 2010, p.81). В традиции неосманизма оценивать Турцию в качестве страны великой нации, перед которой поставлены серьезные задачи по восстановлению ее гегемонии в евразийском регионе.

Во время холодной войны Турция сформировала свои отношения с соседними географическими регионами, в первую очередь на Ближнем Востоке, с помощью стратегий НАТО. Поэтому она была втянутой в общепринятую внешнеполитическую североатлантическую концепцию (Aliriza B., & Aras B., 2012, p.4). В начале XXI столетия правительство Реджепа Тайипа Эрдогана пытается сформулировать свою собственную евразийскую повестку, которая бы гарантировала Турции позиции регионального лидера.

Для этого идеология неосманизма пытается сформулировать геополитическую концепцию, согласно которой внешнеполитические интересы Турции простираются далеко за пределы ее государственных границ. Известно, что большая часть территории бывшей Османской империи находится в Евразии. Поэтому в сфере внимания оказываются Балканы, Ближний Восток, Кавказ, Центральная Азия и даже территории юга России. Концепция евразийства в какой-то мере пытается уравновесить ее Евроатлантический альянс (Khosla, 2001, p.351). В неосманизме евразийский вектор также рассматривается как «геополитический подход, основанный на цивилизации» в соответствии с акцентом на внешнюю политику Турции, османское наследие и исламскую цивилизацию (Ersen, 2013, p.17). И здесь возникает проблема российско-турецких отношений и, в частности, поиска взаимовыгодного баланса сил с Россией, как самой важной державой Евразии (Akcali, & Perincek, 2009, p.558). В конфликте не заинтересованы ни Анкара, ни Москва. Главным препятствием

на пути реализации неоосманского геополитического проекта встает неразрешенность «курдского вопроса». Именно в нем кроются все главные вызовы национальной безопасности Турции (Kirisci, 2004, p.281).

Внешнеполитическая стратегия Турции выражается в стремлении найти некий компромисс, между такими мировыми полюсами как США и Россия. Эти отношения формировались в условиях непрерывного конфликта на оси международной системы борьбы за гегемонию и многополярность (Ambrosio, 2001, p.49). В этом плане неоосманизм пытается сформулировать свое видение ведущей роли Анкары в евразийском пространстве и создать свою систему геополитического мышления. При этом неоосманизм опирается на целостность турецкой общей культуры, истории и цивилизации, воплощенной на территории бывшей Османской империи (Evered, 2005, p.469).

Турция структурирует новое понимание османской цивилизации, благодаря своей ссылке на историю своего практического имперского опыта. Её главная цель обоснование существования в реальном политическом пространстве особой османской цивилизации, которую можно было бы поставить вровень с другими существующими цивилизациями. При этом Османская цивилизация мыслится между западными и восточными цивилизациями. Таким образом, позиция Турции в качестве «моста цивилизаций» между евроатлантическим миром и исламской цивилизацией обретет геополитический взгляд, основанный на цивилизационном подходе. При этом неоосманизм пытается доказать, что у него нет экспансионистского или империалистического внешнеполитического видения. С нашей точки зрения, это весьма сомнительное и спорное утверждение. Особенно если вспомним, что внешняя политика Эрдогана уже успела перессорить его со всеми соседями Турции, а «союзнически» отношения Анкары с Москвой носит весьма относительный характер. Конфликтность официальной Анкары хорошо известна как на Востоке, так и на Западе Евразии (Taspınar, 2012, p.137).

Критика стратегии неоосманизма

То, что для турецких национально настроенных элит является оптимистической перспективой, для их оппонентов воспринимается и оценивается как милитаристская агрессия и экспансионизм. И на Западе, и на Востоке у Турции масса критиков их великодержавного шовинизма. Именно из-за этих серьезных обвинений турецкому руководству постоянно приходится сверять свои замыслы с объективной реальностью. И главными препятствиями на пути реализации этого неоосманского проекта являются США и Россия. Официальная Анкара не может договориться с конкретными участниками регионального геополитического процесса о конкретных условиях разграничения сфер своего влияния (Larrabee, 2010, p.84).

Именно агрессивное внешнеполитическое поведение правительства Эрдогана чаще всего и вызывает критику со стороны мировой общественности.

Сама же официальная Анкара старается этой агрессивности не замечать. Становление Турции в качестве влиятельного глобального актора формирует систему перспектив и военно-политических рисков для многих ее соседей, в том числе и России. Причем со временем риски становятся все более очевидными, а перспективы их конструктивного разрешения призрачными. Возникла целая система геополитических противоречий, когда региональные амбиции Турции столкнулись с глобальными амбициями США (в частности, американский проект “Большой Ближний Восток” столкнулся с турецкой концепцией “стратегической глубины”).

Кризис Турции с США во многом объяснимы находение на территории Соединённых Штатов главного оппонента Эрдогана проповедника Ф. Гюлена. После попытки военного переворота 14 июля 2016 г. трансформация турецкой политической системы, включающая высокую централизацию власти в руках президента, сопровождается широким подавлением оппозиционных Р. Эрдогану сил, среди которых главным антагонистом является Ф. Гюлен и его структуры. Длительное нежелание Вашингтона его экстрадировать подвигло власти Турции арестовывать граждан США на их территории. В ответ, на уровне экспертно-политического сообщества США регулярно упоминаются проблемы с верховенством закона и соблюдением прав человека, подавлением оппозиции, особенно в отношении курдов, подчёркиваются проблемы с коррупцией.

Исследователи полагают, что вероятно, осознавая существующие внутриполитические противоречия в Турции, в целеполагании американского политического истеблишмента возникнет стратегия подискредитации политики действующих властей и по поддержке кемалистов, сторонников прозападного светского вектора развития, с которыми будут выстраиваться уже обновлённые союзные отношения.

Отношения Турции с Евросоюзом всегда носили напряженный характер. В Брюсселе всегда гадают, куда повернется «турецкий флюгер»? По сути, ставится вопрос о перспективе продолжения многолетнего партнёрства с Турцией. “Анкара пока не выбрала позитивный путь в отношениях с ЕС. Мы осуждаем последние односторонние действия Турции в Восточном Средиземноморье, провокации и агрессивную риторику, которая абсолютно неприемлема” – заявил 29 октября глава Евросовета Шарль Мишель по итогам онлайн-саммита ЕС.

Поведение Турции бывает столь вызывающим, что дело доходит до открытых конфликтов между Анкарой и другими членами НАТО. Так, в 2020 г. между Анкарой и Парижем возникли острые разногласия, иначалась словестная война двух президентов. Для предотвращения вероятных столкновений между членами блока НАТО (Грецией и Турцией) президент Франции Э. Макрон направил в Восточное Средиземноморье боевые корабли и самолёты. Наконец, в сентябре Турция обозначила своё силовое присутствие на Южном Кавказе в ходе возобновившегося конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

Коллективный Запад обвиняет турецкого президента Эрдогана в авторитаризме, поскольку он сосредоточил в своих руках практически всю полноту исполнительной власти. «В целом, – подчёркивает известный специалист по Турции Марк Пьерини, – с точки зрения западных государств, сегодняшняя Турция – абсолютная автократия, где конституционные основы и юридическая практика не соответствуют её обязательствам в Совете Европы и в НАТО». Совет ЕС в 2018 г. высказал свою озабоченность столь жесткой концентрацией власти. В частности, эта озабоченность связана с «продолжающимся и глубоко беспокоящим отходом Турции от принципов верховенства закона и соблюдения фундаментальных прав граждан, включая право на свободу слова..., отход от принципа независимости судебной системы».

Особенно напряженные отношения регулярно возникают между Парижем и Анкарой. Антитурецкие критики призывают обезопасить Европу от турецкого давления на нее: «вся Европа», которая должна обезопасить себя от Анкары, приняв меры, «укрепляющие баланс сил с Турцией». Ведь Эрдоган усиливает контроль «над целым рядом соседних регионов».

Конфликт Франции (Э. Макрон) с Турцией (Р. Эрдоган) из-за истории с проблемой Восточного Средиземноморья, лишь подсветили куда более системные разногласия. В частности, французский лидер обвинил своего турецкого визави во вмешательстве в конфликт между Арменией и Азербайджаном военными средствами. Президент Франции Э. Макрон по этому поводу заявил: «Мы располагаем информацией, которая с полной уверенностью подтверждает участие группировок сирийских джихадистов, доставленных через Газиантеп на театр боевых действий в Нагорном Карабахе. Это крайне важное обстоятельство, которое меняет ситуацию».

Очевидно расхождение мнений внутри самого Евросоюза. Если заявления и оценки со стороны официальных лиц ЕС по поводу критической фазы в отношениях с Турцией являются сбалансированными, то заявления лидеров отдельных стран Евросоюза (например, Франции, Греции, Кипра) оказываются более радикальными. И официальной Анкаре приходится иметь дело с этим многоголосьем и лавировать в сплошном потоке политических разногласий.

Заключение

Конец XX в. стал временем кризиса всех мировых политических идеологий – от коммунистической до либеральной. Но у тех стран, которые переживают постимперский синдром, возникает потребность в реваншизме и, как следствие этого, предпринимаются попытки переосмысления своего прошлого и на базе этого переосмысления попытки сконструировать новую идеологическую модель. Именно этим занялись современные турецкие национальные элиты. Созданная ими идеологическая схема, объясняет их притязания на т.н. «османское наследие», в котором как раз и отражаются их геополитические представления о месте и роли Турции в современном мире.

Насколько она адекватна тем ресурсам, которыми располагает современная Турция, вопрос остается открытым (наш ответ на него может разочаровать турецкое руководство). Но уже сейчас очевидно, что неоосманская Анкара явно живет не по средствам, от чего и совершает столь рискованные геополитические маневры.

Список литературы | References

- Akcali E., & Perincek M. (2009) *Kemalist Eurasianism: An Emerging Geopolitical Discourse in Turkey*. Geopolitics. 14. doi: 10.1080/14650040802693564 (in Turkish).
- Aliriza B., & Aras B. (2012) *US-Turkish Relations: A Review at the Beginning of the Third Decade of the Post Cold War Era*. CSIS. (in Turkish).
- Ambrosio T. (2001) *Russia's Quest for Multipolarity: A Response to US Foreign Policy in the Post Cold War Era*. European Security. 10. doi: 10.1080/09662830108407482 (in Turkish).
- Arslan A. (1995) *Turkish Political Elites: Social Construction of Turkish Political Elites and Top Political Leadership in Turkey*, Guildford: University of Surrey, Department of Sociology. (in Turkish).
- Arslan A. (2001) *The Social Profile of Turkish Political Elite in the Republican Era (1920-1995)*. Journal of Social Sciences (Osmangazi University). 2.
- Boyd D. (1973) *Elites and Their Education*. Windsor: NFER. (in Turkish).
- Bulent Aras, & Aylin Gorener. (2010) *National role conceptions and foreign policy orientation: the ideational bases of the Justice and Development Party's foreign policy activism in the Middle East* doi: 10.1080/19448950903507453(in Turkish).
- Caglar A., & Arslan A. (2000) *Turkish Political Leaders from the Republic to the Present: Top Political Elites from Atatürk to Demirel*. Hacettepe University, Journal of the Faculty of Economics and Administrative Sciences. 2. (in Turkish).
- Cenk Saracoglu. (2013) *AKP (Justice and Development Party). Nationalism and foreign policy: Strategic Depth as a Doctrine of nationalism-Alternatif Policy*. 5 (1). (in Turkish).
- Davutoğlu A. (2001) *Strategic Depth: Turkey's International Position*. Istanbul. (in Turkish).
- Efegil E. (2009) *Rationality Question of Turkey's Central Asia Policy*. BilgiDergi. 19. (in Turkish).
- Emiliano Alessandri (2010). *Turkey's New Foreign Policy and the Future of Turkey*. EU Relations. The International Spectator. (in Turkish).
- Enlargement and Stabilisation and Association Process. Conclusions adopted by the Council of the European Union. (2018) <https://www.consilium.europa.eu/media/35863/st10555-en18.pdf>.
- Ersen E. (2013) *Eurasian Orientation in Turkish Foreign Policy and Shanghai Cooperation Organization*. Middle East Analysis. 5 (52). (in Turkish).
- EU's relationship with Turkey has reached «watershed moment» says foreign policy chief Borrell. BneIntelliNews. (2020)<https://www.intellinews.com/eu-s-relationship-with-turkey-has-reached-watershed-moment-says-foreign-pohcy-chief-borreU-191990/>
- France sends jets and ships to tense east Mediterranean. BBC. (2020). <https://www.bbc.com/news/world-europe-53767792>
- PastorAndrewBrunson. U.S. Commission on International Religious Freedom. <https://www.uscirf.gov/pastor-andrew-brunson>

Pierini M. Turkey's Labyrinthine Relationship with the West: Seeking a Way Forward. Hellenic foundation for European & Foreign Policy. Policy Paper (2020). 38 P. 5.

Post-Cold War Democratic Declines: The Third Wave of Autocratization. Carnegie Endowment for International Peace. (2019) <https://carnegieeurope.eu/2019/06/27/post-cold-war-democratic-declines-third-wave-of-autocratization-pub-79378>

Remarks by President Charles Michel after the video conference of the members of the European Council on 29 October 2020. (2020) <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/10/30/remarks-by-president-charles-michel-after-the-video-conference-of-the-members-of-the-european-council-on-29-october-2020>

Riester F. «Nous sommes déterminés à défendre nos valeurs». Le Figaro. (2020) <https://www.lefigaro.fr/politique/franck-riester-nous-sommes-determines-a-defendre-nos-valeurs-20201027>

Turkey, Belarus, Armenia-Azerbaijan present EU with tough test. DW. (2020) <https://www.dw.com/en/eu-summit-turkey-belarus-azerbaijan-armenia/a-55114561>